

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

М. П. Алексеев

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭМА 1836 г. О «КИРГИЗАХ» И ЕЕ АВТОР

Изданная в 1836 г. в Париже под именем К. Клермонт поэма в четырех песнях «Владимир и Зара, или киргизы», сколько знаем, еще не привлекала к себе внимания филологов.¹ Названная у нас впервые более ста лет тому назад, в каталоге известного собрания «Россики» Публичной библиотеки в Ленинграде,² эта поэма была упомянута затем в справочнике В. И. Межова,³ но без всяких пояснений. С тех пор, по-видимому, о ней ничего не сообщалось в литературе о тюркоязычных народах. Между тем это забытое произведение заслуживает изучения не только по своему реальному этнографическому колориту, но и по весьма примечательной биографии автора, скрывавшегося под псевдонимом, разгаданным лишь недавно.

Остановимся на этом псевдониме, так как только знакомство с действительным создателем «Владимира и Зары» дает возможность судить, до известной степени, о времени и месте ее написания.

В книгах о Дж. Г. Байроне и П.-Б. Шелли издавна можно было встретить имя Клер Клермонт (1798—1879), женщины необычной судьбы, многими узами связанной с обоими поэтами и рядом других английских литераторов первой четверти XIX в. В течение всего этого столетия жизнь ее была плохо известна. Мы теперь знаем, что Клер Клермонт была падчерицей английского философа и писателя Вильяма Годвина (1756—1816), дочерью его второй жены — Мери Джейн Клермонт, на которой он женился в 1801 г. после смерти своей первой жены, Мери Уолстонкрафт. У Мери Джейн Клермонт было двое маленьких детей (Клер и Чарлз), когда она вышла замуж за Годвина. Клер и ее сводная сестра Мери Годвин были однолетками, воспитывались вместе и стали близкими подругами, живя вместе долгие годы и после того, как Мери Годвин вышла замуж за поэта П.-Б. Шелли. В 1815 г. К. Клермонт познакомилась с уже заслужившим известность поэтом — Байроном. В 1817 г. у К. Клермонт и Байрона родилась дочь Аллегра, в судьбе которой большое участие приняла чета Шелли. Когда Мери и Перси-Биши Шелли покинули Англию

и уехали в Швейцарию, за ними туда же отправилась и Клер Клермонт. Вскоре к ним присоединился и Байрон, такой же недобровольный изгнанник, оклеветанный на родине, каким был и Шелли. Однако Байрон скоро уехал из Швейцарии в Италию, к друзьям-карбонариям, Аллегра же, которую он отнял у Клер и поместил на воспитание в монастырь близ Равенны, вскоре (19 апреля 1822 г.) умерла, едва достигнув пяти лет. Несколько месяцев спустя (8 июля того же 1822 г.) Шелли утонул в Средиземном море, а еще два года спустя, в апреле 1824 г., Байрон умер в Греции. Вдова Шелли, Мери, и Клер Клермонт остались в Италии, живя вместе в вынужденной, а временами и искусственно создаваемой безвестности, в узком кругу друзей или близких родственников, знавших их прошлое и «карбонарские» взгляды.

В конце 1824 г. благодаря знакомству с русскими, жившими в Пизе и Флоренции, Клер Клермонт приняла приглашение стать гувернанткой в Москве в богатой семье. Здесь в нескольких аристократических домах она жила около трех лет (1825—1828), тщательно скрывая свое прошлое и свою близость к «опасным» писателям Англии, — атеистам и носителям революционного духа, Годвину, Байрону, Шелли и другим. Даже переписку свою с семьей Шелли и его друзьями она вела не прямо, а через посредство музыкального магазина Ленгольда в Москве. Среди ее московских друзей был, вероятно, лишь один человек, который знал многое, если не все то, что связывало ее с видными английскими поэтами эпохи романтизма. Это был Германн Гамбс, — французский поэт, живший с ней в Москве в одном доме, — автор поэмы «Владимир и Зара» и других произведений на французском языке, напечатанных во Франции под псевдонимом «К. Клермонт», присвоенным им, вероятно, без ведома носительницы этого имени. Но в 1827 г. Гамбс уехал из Москвы, а в 1828 г. уехала сама Клер Клермонт вместе с семьей П. С. Кайсарова и в Россию более не вернулась. Дальнейшая ее жизнь известна нам мало. С годами К. Клермонт все более замыкалась в себе и порвала связи со многими старыми друзьями. Она поселилась во Флоренции, приняла католичество и жила уединенно вместе с племянницей, Полиной Клермонт (дочерью ее брата, поселившегося в Вене), существуя на деньги, завещанные ей еще Перси-Биши Шелли, но полученные ею только после смерти его отца.

Среди бумаг, оставшихся после смерти Клер Клермонт в руках ее племянницы, были автографические рукописи Шелли, переписка и ее собственные дневники (с 1814 по 1827 г.), представляющие собою очень ценный исторический источник. Дневники содержат много данных об английских писателях эпохи романтизма, в частности о Шелли и его кружке, об англо-итальянских связях в эпоху карбонаризма и греческого восстания; для нас особое значение имеют два дневника за 1825—1827 гг., относящиеся ко времени пребывания К. Клермонт в Москве. Они очень подробны и воссоздают культурную жизнь Москвы 20-х гг. Кое-какие извлечения

из этих дневников начали появляться еще в конце восьмидесятих годов XIX в., но в полном виде все шесть дневников (из которых от дневника 1827 г., погибшего безвозвратно, сохранились лишь копии нескольких отрывков) были изданы в 1968 году.⁴ В этом издании мы и находим некоторые данные об авторе поэмы «Владимир и Зара».

Как видно из первого московского дневника 1823 года и других документов, весной этого года Клер Клермонт поселилась в доме З. Н. Посникова, видного московского чиновника, сенатора, женатого на М. И. Архаровой. Богатый дом Посниковых отличался гостеприимством и хлебосольством.

У Посниковых было двое детей. Клер Клермонт была гувернанткой шестилетней Дуни, у которой был десятилетний брат Ваня (или Джонни, как его обычно называли). При Ване был особый гувернер — Германн Христиан Гамбс. Биография этого, несомненно незаурядного, человека воссоздается с трудом; она известна, к сожалению, лишь в отрывочных и случайных эпизодах, сохранных в письмах и мемуарах той поры. Характеристику его Клер Клермонт дала в письме из Москвы от 22-го октября к своей приятельнице по итальянскому кружку Шелли — Джейн Вильямс. «Недавно, — писала Клер, — я познакомилась с одним немецким джентльменом, который является настоящим сокровищем для меня (собственно «великим прибежищем» — Great resource). Его развитый ум напоминает мне людей нашего прежнего кружка: он имеет широкий кругозор и благородный образ мыслей. Ты можешь представить себе, с каким восторгом он обрел здесь меня, столь отличную от тех, кто его окружает, способную понять то, что так долго теснилось в его уме. . . Я рассказываю тебе о нем свободно, потому что уверена, что ты не подумаешь, будто я в него влюблена или что я питаю к нему какое-либо другое чувство, кроме чувства искренней и непоколебленной дружбы». К этому Клер прибавила еще одну, но, может быть, самую ответственную фразу: «То, что я чувствовала к Шелли, я теперь чувствую к нему», и продолжала: «Чувствую, что я должна также сообщить тебе, что у меня есть настоящий друг: в случае моей болезни или смерти, которые могут со мной приключиться, вы, для утешения, сможете, по крайней мере узнать, что я скончалась не на руках иностранцев. Я часто говорю с ним о вас всех, и о Мери (Шелли), до того, что его желание увидеть вас превратилось в настоящую страсть. Он, как все немцы, очень сентиментален, имеет очень мягкий характер и отличается редким благородством. Привязанность его ко мне — чрезвычайна, но я должна была употребить огромный труд для того, чтобы объяснить ему, что я сама не смогу возратить себе состояние своих чувств до такой же степени, что, кажется, не сделало его несчастливym, вследствие чего это имеет для нас обоим крайнюю важность».⁵ Это доверчивое признание представляет значительный интерес для понимания отношений, сложившихся между К. Клермонт

и Гамбсом; не забудем, впрочем, что оно относится к первым месяцам их знакомства.

Лето 1825 г. семья Посниковых, вместе со всей челядью, гувернером и гувернанткой, жила на своей подмосковной даче в Иславском, Звенигородского уезда. Клер Клермонт и Германн Гамбс много времени проводили вместе, в далеких прогулках по берегам Москвы-реки, устраивали увеселительные поездки в соседние имения, развлекались домашним театром и концертами в присутствии многочисленных гостей. Инициаторами и непременными участниками всех дачных игр и развлечений были Гамбс и Клермонт — они пели оба, читали стихи. Это были для Клермонта месяцы, когда она могла считать себя почти счастливой: неудивительно, что Гамбс, под своим именем или под кличками «Ми-Джи» (M. G.), Ya-Yan и т. д. упоминается по несколько раз на каждой странице дневника К. Клермонт. Очевидно, Г. Гамбс немало рассказывал о себе; без этих многочисленных упоминаний издательнице дневников Клер трудно было бы изложить сообщенную ею биографию Гамбса (краткую и со многими значительными лакунами).⁶ Мы сообщим здесь только несколько собранных ею фактов, необходимых для последующего изложения.

Германн-Христиан Гамбс (Gambts) был сыном страсбургского пастора, Карла Христиана Гамбса (1759—1822). Старый Гамбс между 1784 и 1806 годами жил в Париже, являясь капелланом шведского посольства в Париже, затем пастором в Бремене (между 1807—1814 гг.); после падения Наполеона он до конца жизни снова служил пастором в родном ему Страсбурге. О его старшем сыне, Германне, мы знаем значительно менее. Известно лишь, что родился он в Париже (до 1806 г.) и что в семье пастора, кроме него, были еще две сестры (Ида и Генриетта) и маленький брат, в год смерти их отца бывший еще школьником.⁷ Как Германн попал в Россию, остается неизвестным; единственный намек на то, как и когда Германн, уехав из Страсбурга, оказался в Москве, содержится в записи К. Клермонт от 24 мая (5 июня) 1825 г. В этот день на даче у Посниковых Клер долго беседовала с Гамбсом во время прогулки: «Гамбс, — рассказывает она, — описывал придворную жизнь в Веймаре и глушь (the savage life), в Саратове, где в течение четырех лет он был как бы заживо похоронен в сельской местности, когда он позволял себе лишь одно развлечение, — изо дня в день охотиться в окрестных бескрайних степях».⁸ Из этого можно заключить, что приблизительно в год смерти отца или незадолго до этого Германн Гамбс принял предложение стать гувернером или преподавателем языков в какой-то помещичьей семье, жившей в имении Саратовской губернии. Несколько других, столь же случайных сведений о Гамбсе, до его поселения в семье Посниковых (в 1825 г.), можно извлечь из столь же случайных и разновременных записей дневника Клер: так, она однажды слушала его рассказы о студенческих годах, проведенных им в Страсбургском университете.⁹

Еще меньше знаем мы об отъезде Гамбса из Москвы в 1827 г. Годы 1825—1826 были временем наибольшей и самой искренней дружбы Клер Клермонт с Г. Гамбсом. Никто из них не предполагал тогда, что не пройдет и года, как они должны будут расстаться навсегда. Почему это случилось, можно только догадываться: несчастье в семье Посниковых (смерть их маленькой дочери), изменения в московском обществе после многочисленных арестов в связи с судом над декабристами (с некоторыми из них Гамбс был близок) и т. д. — приблизили его решение уехать из Москвы. Об этом отъезде мы также имели свидетельство К. Клермонт в письме к Джейн Вильямс (судя по почтовой марке и штемпелю, отосланному 23 января 1827 г.), в котором говорится, что Гамбс покинул Москву и уехал «в глубь страны» весной 1826 г. сроком на пять лет.¹⁰ Из этого очень неточного свидетельства можно вывести заключение, что Гамбс принял новое предложение уехать в качестве гувернера или домашнего учителя; выражение «в глубь страны» следует истолковывать в том смысле, что местожительством Гамбса после Москвы стала какая-либо местность возле Омска в Западной Сибири: такое предположение напрашивается в связи с изданной Гамбсом в Париже поэмой «Владимир и Зара, или киргизы».

Переписка между Клер и Гамбсом не прервалась и после их разлуки, когда сама Клер покинула Россию. Мы узнаем об этом из очень интересного письма Клер к Мери Шелли из Ниццы от 11 декабря 1830 г. В этом письме К. Клермонт обращалась к сводной сестре с просьбой помочь Гамбсу найти в Париже издателя его поэмы «Моисей», рукопись которой он уже послал во Францию.¹¹ Хотя хлопоты эти затянулись на несколько лет, но в конце концов они увенчались успехом: «Моисей» был издан в Париже в 1836 г. тем же Госселеном, который незадолго до того издал поэму «Владимир и Зара».

Поэму в двенадцати песнях «Моисей» Г. Гамбса Клер знала сама, так как автор давал ей читать рукопись, а отрывки из произведения читал вслух на даче у Посниковых; об этих чтениях свидетельствует дневник Клер 1825 г. Поэму «Владимир и Зара» К. Клермонт, однако, не могла знать, так как она была написана Гамбсом уже после отъезда из Москвы в азиатскую Россию. Так как подлинный автор скрылся под ее именем, и вероятно без ее разрешения, Гамбс в стихотворном предисловии как бы испрашивал прощение у К. Клермонт за самовольное присвоение ее имени:

Я не решаюсь назвать вас из глубины моего далека
(собственно: отозвания)

Мое сердце полно вами, но мои уста молчат.

Вы сами от меня (моим голосом) не узнаете.

Что навсегда моя муза как бы приобрела ваши черты.¹²

Эти стихи — не единственные в произведениях Г. Гамбса, в которых содержатся более или менее зашифрованные автобиографи-

ческие намеки на подлинного автора и на выбор им псевдонима.¹³ Дальнейшая жизнь Гамбса также известна нам мало. По-видимому, с конца тридцатых годов он снова жил в Страсбурге, потом, подобно своему отцу, занимал должность пастора в сельской местности и умер в 1886 г.

Обратимся теперь к интересующему нас произведению «Владимир и Зара». Знакомство с ним не оставляет сомнений, что перед нами — очень типичная романтическая поэма, и по своему сюжету и стилю очень близкая русским поэмам первой четверти XIX в.; кроме того, она могла быть написана только на месте действия, так сильно и отчетливо проступает в ней, сквозь условные традиционные черты, местный колорит.

Поэма «Владимир и Зара» состоит из четырех песен. Им предшествует «Прелюдия» (Prélude, p. 6—88), род стихотворного предисловия философско-эстетического содержания, в котором излагаются и определяются основные положения о соотношении искусства и действительной жизни, на основе которых написано это произведение. Далее следует сама поэма; каждая песня ее имеет особое заглавие: I. Пленник (Le Captif, p. 29—53); II. Кочевники (Les Nomades, p. 57—100); III. Степь (La steppe, p. 100—139); IV. Бегство (La fuite, p. 140—169).

Как видно уже из этих заглавий, сюжет поэмы «Владимир и Зара» в своем основном очертании не отличается особой новизной; это один из вариантов, — при том поздних, — «Кавказского пленника» Пушкина. В 1828 г. в Москве вышла поэма Н. Муравьева «Киргизский пленник»¹⁴ — одна из самых ранних попыток романтической разработки темы русско-казахских связей, — как ее характеризует М. И. Фетисов, отмечающий попутно, что «. . . для 20-х гг. XIX в. скромный опыт Н. Муравьева представлял известный интерес, поскольку в поэме затрагивалась тема малоизученной казахской жизни».¹⁵ Конечно, ситуации, на которых был построен сюжет «Киргизского пленника» (как и других «пленников»), — нередко встречались и в тогдашней русской действительности (Н. Муравьев подчеркивал это в подзаголовке своей поэмы: «Повесть. . . взята с истинного происшествия Оренбургской линии»), но близость к поэме Пушкина подобных произведений этим отнюдь не отменялась, скорее напротив, что и подчеркивалось в русской печати тех лет. Рецензент «Сына Отечества» утверждал, например, что Н. Муравьев «взял основу и содержание своей повести из „Кавказского пленника“, с тою разницей, что удалец молодой, ушед из плена, увез с собою молодую киргизку, Баяну, и женился на ней. За ними, правда, гнались киргизцы, но не догнали, и все кончилось по желанию уральца Федора, киргизки Баяны, и, вероятно, самого сочинителя».¹⁶ Критик «Московского вестника», со своей стороны, настаивал на том, что поэма Н. Муравьева есть лишь подражание пушкинской: «Есть у нас «Кавказский пленник»: надо было явиться киргизскому. . . «Повесть Н. Муравьева» также начинается описа-

нием киргизов: есть и песня киргизская, есть битва с казаками, есть киргизка, есть любовь. . . все так, но конец не тот. Русский не любит черкешенку. Федор влюбился в Баяну; они убежали оба — и веселым пирком да за свадебку. . .¹⁷ «Пушкин виноват в киргизских и других пленниках», — с полным основанием утверждал несколько лет спустя — в 1835 г. — Белинский.¹⁸ Против этого тезиса было бы трудно что-либо возразить, несмотря на то что подобных произведений в стихах и в прозе, — даже только «киргизских» (условно)¹⁹ по своей тематике, — у нас в тот период было очень много, от «Киргизского пленника (быль оренбургской линии)» Петра Кудряшева до польской поэмы Густава Зелинского «Kirgiz», написанной во время ссылки автора в Ишиме.²⁰

Все произведения этого длинного литературного ряда, к которым несомненно примыкает также французская поэма Г. Гамбса «Владимир и Зара», при их сюжетной общности отличались друг от друга в одном отношении: своим локальным этнографическим колоритом, то принимая его поневоле, в силу существовавшей традиции, то сознательно усиливая его до почти самостоятельного значения в произведении. Оценка этого колорита современниками, однако, нередко колебалась в зависимости от осведомленности их критиков: иных устраивали черты местности и экзотических нравов, хотя они и являлись только общими штампами, лишенными своеобразия, другие, напротив, требовали более детальных описаний и характеристик в произведениях, претендующих на национальную окраску. Так, Н. Полевой в общем обзоре русской литературы за 1828 г., говоря о «Киргизском пленнике» Н. Муравьева, поднимал на смех эту поэму, в которой «козак Федор говорит киргизке: „О, дева гор“, забыв, что киргизцы живут в степях»²¹; критику «Московского вестника», напротив, казались неуместными и неоправданными встречаемые им в тексте той же поэмы экзотические слова, которые он почему-то называет «калмыцкими», к тому же придавая им произвольные значения: такие слова как «язурен» (невольник), «калыма» (невеста) (Sic! на самом деле выкуп) и т. д.²²

Хотя подобно всем вышеназванным русским романтическим поэмам «Владимир и Зара» Гамбса, со своей стороны, также восходит к Пушкину,²³ но соотношение в ней традиционных мотивов, личного авторского вымысла и отражений реальной действительности — иное, чем в предшествующих произведениях о «киргизских» пленниках; что касается «местного колорита», то в поэме он подчеркнут настолько, насколько это было возможно сделать во французских стихах, печатавшихся в Париже и рассчитанных на иностранного читателя: «экзотические» географические названия, личные имена и бытовые термины встречаются в тексте в изобилии, и некоторые из них объяснены в обстоятельных «примечаниях» (Notes, p. 171—173). Все это позволяет поставить вопрос о том, какую именно местность изображает Гамбс и нельзя ли найти в его поэме какие-либо отголоски действительных событий.

Действие поэмы разворачивается на равнине между рекой Ишимом (Issim, p. 31) и цепью Алтайских гор и завершается на Иртыше, неподалеку от Омска (pp. 167, 169). Каждую осень кочевники переселяются к берегу Аральского моря (Aral, pp. 42, 57, 58); здесь они зимуют, а с наступлением весны снова отправляются в степь. Не только живописному, но порой даже «ботаническому» описанию цветущей степи уделено много стихов в третьей и в четвертой песнях. Во вводной части первой песни характеризуется необозримый степной простор: куда ни кинешь взор, нигде не заметно ни жнивья, ни рощи — лишь на горизонте виднеется «далекая тень, похожая на испарения Як-Нора». Это — Алтай; его горная цепь опоясывает степь с севера (p. 32). В примечании объясняется, что «Nog — означает озеро», и что «Yak Nog», собственно, означает «озеро мычащего яка». Не «Яконур» ли это, встречающийся и на современных географических картах?

Главное действующее лицо поэмы, Владимир, молодой русский офицер, случайно ставший пленником киргизов во время их набега. В неволе он стал пастухом и целые дни и ночи проводит вдали от места, где находятся юрты кочевников (вдали от Имака, à Imack — «поселок кочевников», как разъясняется в тексте, p. 172);²⁴ сторожа с двумя борзыми собаками, чужие стада. Однажды Владимир рассказывает свою жизнь полюбившей его ханской дочери Заре. Он родился на берегу Оки (sur les rivages de l'Ossa), в ранней юности своей знал счастливые дни, почести, богатство. Отец его был заслуженный старый воjak: первые слова, заученные Владимиром в младенчестве, были — Очаков и Чесма. Но отец его был стар и скоро умер, оставив сына на руках молодой матери. Когда же сын подрос и наступила пора службы, мать отпустила его в армию. Из дальнейшего выясняется, что он принял участие в освободительной войне. Он был молод и увлечен идеей политической свободы; ему слышался призывный голос: «Дети славы! Станьте свободными, время пришло!» (p. 92—93).

Обольщенный этим небесным гласом.
Я осмелился думать, осмелился говорить,
И (тогда) зловещим приказом
Я был сослан в гарнизон в Омск.

(p. 93)

Очевидно, речь идет здесь о сосланном в Сибирь декабристе после восстания на Сенатской площади.

Необычна в поэме также история Зары, дочери хана Ателя, (Athel) и русской женщины по имени Ирина. Однажды в степи, в густом тумане Атель встретил Ирину вместе с сопровождавшим ее мужчиной и дал им обоим приют в своих владениях. Но вскоре этот мужчина умер, и Атель взял ее в свой гарем. Подобная ситуация в настоящее время может показаться надуманной и мало правдоподобной, но в первой половине XIX в. подобные смешан-

ные браки и возникавшие отсюда различные конфликты были нередкими и на оренбургской линии, и в Западной Сибири.²⁵

Далее события в поэме Гамбса разворачиваются весьма традиционно. В «имаке» (то есть «аймаке»), где живет Зара, ее хочет заполучить себе в жены охотник по имени Иргиз,²⁶ домогательства которого она резко отвергает. Но Иргиз настойчив и вошел в доверие к хану Ателю, рассказав ему о преступной любви его дочери к пленнику-иноверцу. Когда Иргиз грозит Заре мстью отца и расправой с соперником, Зара твердо заявляет, что она никогда не будет в его кибитке «расчесывать свои длинные, свисающие косы». К последнему стиху сделано примечание (р. 172), что незамужние киргизки оплетают свои косы вокруг головы, замужние же оставляют их свисающими с затылка на спину. Этот разговор предопределяет дальнейшие события. Вскоре Владимир спасает Зару от разъяренной волчицы, но сам изранен зверем. Зара ухаживает за ним и увозит его, когда весь аймак поспешно снимается с места из-за боязни надвигающейся эпидемии.²⁷

Поэма явно построена с расчетом сообщить как можно более данных о быте и нравах киргиз-кайсаков и о местностях, где они кочуют: этими соображениями предопределяется также введение в поэму ряда отдельных эпизодов. Так, после решения Владимира и Зары бежать вместе в русскую землю, наперсница Зары, Дехре (Dehre), поет ей песню о девушке-киргизке, Эмбе, о ее неверном возлюбленном Азиме — юноше из Бухары — и о трагической гибели Эмбы. Эта песня, вставленная в поэму, имеет особую строфическую форму и заглавие «Прозрачное яблоко» (*La pomme transparente*). Задача исполнения этой песни — удержать Зару от задуманного бегства с пленником и внушить ей опасения тяжелых последствий, которые ожидают ее, если она решится покинуть родные степи. Эта песня не лишена изящества; однако к фольклору в собственном смысле она, по-видимому, отношения не имеет.

Гораздо интереснее у Гамбса те казахские песни — импровизации, которыми открывается вторая часть поэмы (р. 57—59). Здесь перед началом перекочевки киргиз-кайсацкие девушки и юноши перебрасываются только что сочиненными ими четверостишиями. По-видимому, Гамбс слышал о подобных играх казахской молодежи и о популярной стихотворной форме четверостиший («Кара улен»), о которой рассказывали многие русские писатели, бывавшие в средней Азии, например В. И. Даль.²⁸ Приведем для примера первое из четырех чегверостиший, включенных в поэму (два из них исполняют по очереди юноши, два — девушки):

Кайсаки пересекают равнину,
Аллах, храни своих детей.
С севера гонит их осень
Каждый год на берег Арала.

Словесная игра импровизированными четверостишиями, которыми перебрасываются юноши и девушки, как бы вводит читателя

в описание быта народа (в III-й песне, озаглавленной «Кочевники»). Но в этой же и в следующих песнях, — например, при описании флоры и фауны прииртышских степей, — автор прибегает иногда даже к простым перечислениям, перегружая текст своего рода «каталогами» цветов весенней степи (р. 136 и сл.) или перечнями обитающих здесь диких животных. На протяжении пятнадцати стихотворных строк здесь названы семь их видов (р. 109); при этом автор демонстрирует свое знакомство с их местными названиями. Например, говоря о диких осликах — *hemiones*, — Гамбс поясняет, что он имеет в виду азиатских *dziguetai* — «джигетаев»,²⁹ — отличающихся быстротой бега, и сравнивает их с «сайгою»³⁰ и с «аргали»³¹ (р. 109); далее здесь названы также кулан и манул.³²

В этой же песне дано довольно живописное описание «бурана» (*Le Bourane*, р. 120—122), который овцы предчувствуют за сутки вперед.

Можно указать на ряд других стихов «Владимира и Зары», в которых чувствуется своего рода щегольство автора словами «киргизского» языка, стремление выставить напоказ свое знакомство с подробностями быта и общественного обихода «кайсаков». Так, решение бежать в русские владения Зара принимает только после того, как ее отец объявляет ей, что он обещал отдать ее в жены ненавистному для нее Иргизу; после этого она просит Владимира выбрать самых быстрых коней из табуна, которые могли бы домчать их до границы; она боится, что «зайсаны» (*Les Zaisans*, р. 130) догонят их. Когда бегство осуществляется и становится известным в аймаке, хан Атель действительно кричит: «На коней, зайсаны, спешите в погоню!» (р. 155, 158, 173). Из особого примечания мы узнаем, что под «зайсанами» автор разумел «старейшин племени», — собственно родовых, наследственных старейшин аймака; в таком значении этот термин употреблялся монголами, калмыками, алтайцами.³³ Готовясь к бегству, Зара хочет обеспечить себя едой: по этому поводу в поэме объясняется распространенный среди кайсаков способ приготовления сыра, — из густого молока кобылиц, отжатого под седлом наездника (р. 173). В ночь перед бегством Зара говорит пленнику, что она вручит ему оружие —

... с этим предательским порохом,
Который убивает без вспышки.

(р. 150)

К последнему стиху также сделано особое примечание (р. 173), что речь идет о так называемом «белом порохе киргизов»: «Огнестрельное оружие среди них не распространено: у них имеется лишь несколько мушкетов с зажигательным трупом; тем не менее, они знают, как делается белый порошок. Секрет его приготовления они держат в тайне».

Рассказ о бегстве и погоне в заключительной песне поэмы полон драматического движения и весьма живописных подробностей:

погоней руководит Иргиз, опытный наездник и охотник; ему почти удается догнать беглецов, но Владимир убивает под ним коня; борьба продолжается еще, когда пленники находятс я уже в волнах Иртыша. Но их уже заметили в Омской крепости я навстречу им послана лодка; выстрел картечью по преследователям на противоположном берегу Иртыша рассеивает кайсацких наездников.

Как видим, встречающиеся в поэме Гамбса географические названия и собственные имена, детали быта и нравов казахов свидетельствуют, что ее автор, по-видимому, создавал поэму на основе собственных впечатлений,³⁴ в чем и заключается ее некоторый исторический интерес. Любопытна она также и по своей судьбе, известной нам, к сожалению, не полностью; немаловажно то, что она связала в один узел традиции, шедшие с двух сторон — из русской и английской литератур: она создавалась с мыслью о Пушкине, а увидела свет во Франции благодаря посредству ближайших друзей Байрона и П.-Б. Шелли. Уже этим оправдывается возможный интерес к поэме казахских литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Clairmont C. *Vladimir et Zara ou les Kirguises*. Poème en quatre chants. Paris, 1836.

² Catalogue de la section de Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, t. I, St. Petersburg, 1873, N 745. p. 232.

³ М е ж о в В. И. Сибирская библиография, т. III. СПб., 1892, с. 241 (№ 2511).

⁴ *The Journals of Claire Clairmont*. Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge, Mass., 1968.

⁵ M a r s h a l l J. *The Life and Letters of Mary Wollstonecraft Shelley*, vol. II, London, 1889. p. 145—146.

⁶ *The Journals of Claire Clairmont*., p. 299—300.

⁷ Там же, с. 299.

⁸ Там же, с. 316.

⁹ Там же, с. 309.

¹⁰ M a r s h a l l J. *The Life and Letters of Mary Wollstonecraft Shelley*, vol. II. p. 160.

¹¹ Moïse. Paris, 1836. О последовательности издания трех поэм Гамбса (все изданы тем же издательством Госселена с именем автора: С. Clairmont) свидетельствует то, что на задней обложке «Владимира и Зары» объявлено о скором выходе в свет двух последующих «печатющихся» поэм того же автора: «Измаил» и «Моисей».

¹² *Vladimir et Zara ou les Kirguises*. Paris, 1836. p. 2. Я пользовался экземпляром хранящимся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр: 13.VIII.10.136), на обложке которого сделана дарственная надпись: «Offert a Monsieur Th. Thurneissen par l'Auteur». Других произведений Гамбса, изданных под тем же псевдонимом, в Ленинграде не имеется (впрочем, они очень редки. М. К. Stocking в своем издании «Дневников» К. Клермонт называет еще ряд его произведений, из которых не всеми располагает даже Национальная библиотека в Париже). Среди них: «Oeuvres poétiques de C. Clairmont», 3 vols. Paris, Renouard; «Poésies fugitives, recueillis par ses amis de Strasbourg» (1838). Для нас все эти издания были недоступны.

¹³ The Journals of Claire Clairmont, p. 299—300.

¹⁴ Муравьев Н. Киргизский пленник. М., 1828.

¹⁵ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана 30—50-х гг. XIX в., М., 1956, с. 46.

¹⁶ «Сын Отечества», 1828, ч. 119, с. 402—404.

¹⁷ «Московский Вестник», 1828, ч. X. № 14. с. 170—171.

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, Л., 1953; с. 133.

¹⁹ «Киргизами» (или «киргиз-кайсаками») в русской литературе XIX в. обычно называли «казахов». См.: Шейман Л. А. Пушкин и киргизы, Фрунзе, 1963, с. 11—33.

²⁰ Кудряшев П. Киргизский пленник. — ОЗ, 1826, т. XXVIII, с. 273—290; Одровонж-Пенёнжек Я. Пушкин и польский романтик Густав Зелинский. — В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, М.—Л., 1958, с. 362—368. Подробнее о художественных произведениях, посвященных киргизам (казахам), см. в указанной выше работе М. И. Фетисова (с. 59 и сл.). Ср. также Постнов Ю. С.. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск. 1970, с. 80—95 («Поэзия романтизма в Сибири»).

²¹ «Московский телеграф», 1828, ч. 20, с. 358—388.

²² Следует, впрочем, подчеркнуть, что ряд выписанных рецензентом «экзотических» слов в «Киргизском пленнике» можно продолжить. Напр.:

... киргизы

О бранных сечах говорят, . . .

.....

Другие в грезах роковых

Покрыты чепком, спят в покое.

Иные пьют; их веселит

Скумысом тумка круговая. . .

(с. 15—16)

²³ Стоит отметить, что во второй части книги, содержащей поэму, напечатан также стихотворный перевод «Черной шали» Пушкина, сделанный Г. Гамбсом, никогда не отмечавшийся библиографами. Живя в России, Гамбс, как это видно из дневников К. Клермонт, лично знал многих русских литераторов, в частности А. В. Веневитинова, М. П. Погодина, бывал в салоне Зин. Волконской, вероятно имел знакомства в редакции «Московского вестника». По-видимому, он был знаком и с современной ему русской литературой.

²⁴ Очевидно, речь идет об «аймаке» в значении «общины однородцев», как это слово толкует В. И. Даль, отмечающий также: «у нас переводят волость; у калмыков, где народ в рабстве, аймак — вотчина дворянина». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, с. 7. Ср. Ожегов С. И. Словарь русского языка, М., 1952, с. 15.)

²⁵ М. И. Фетисов в своей книге «Литературные связи России и Казахстана» приводит ряд примеров подобных браков.

²⁶ Ирғиз (Irghiz), как и встречающееся ниже женское имя Эмба (Emba), названия рек.

²⁷ Когда Владимир спрашивает Зару, чем объясняется быстрый отъезд аймака, она отвечает, что причиной этого является «Issouah — смертоносная зараза, которая гонит нас к Аральскому морю» (р. 48). По поводу этого слова в комментарии приводится довольно длинная справка (р. 172), из которой явствует, что речь идет о маленьких мошках, «укусы их смертельны для животных и для человека, если не прижечь маленькие прыщики, возникающие на местах укусов».

²⁸ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 168.

²⁹ См. у В. Даля: «Джигитай. Сиб. кирг. ослик. Equus hemionus, между коном и ослом» (Даль В. И. Толковый словарь. . ., с. 434).

³⁰ Д а л ь В. (Толковый словарь. . . , т. IV, с. 129), РО. . . , т. IV, с. 222; Ср. Ж е л е з н о в И. Сайгачники. — ОЗ, 1857, т. СХII, отд. I, с. 165—218; Н. К. Дмитриев считает это название казахским. Д м и т р и е в Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. III, М., 1958, с. 59.

³¹ Д а л ь В. (Толковый словарь. . . , т. I, с. 21): а р г а л и, 'дикий, степной баран' — название производят или из монг., маньчж. или из калмыцк. Ср.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, с. 84 (со ссылками на этимологии Рамстедта и Рясявена).

³² Д а л ь В. Толковый словарь. . . , т. II, с. 215.

³³ РО, т. III, с. 14. Об этимологии термина «заисан (г)» см. также: Ф а с м е р М. Этимологический словарь. . . , т. II, с. 75.

³⁴ Где именно жил Гамбс, находясь в азиатской части России, установить пока не удалось. Может быть, это удастся уточнить из архивных или мемуарных источников теперь, когда мы узнали имя действительного автора «Владимира и Зары». Отметим, что вторую часть указанной книги издания 1836 г. составляют стихотворения, собранные под общим заголовком «Досуги» (Loisirs) — здесь помещены различные стихотворения «на случай», альбомные записи, акростихи, послания и т. д.; хотя они густо зашифрованы, но представляют кое-какие данные для возможных последующих разысканий.